

«Я ухожу к неведомым селеньям»...

Данте Алигьери

«Чего мне ждать? Тоска! Тоска!»

«Евгений Онегин»

Это собрание...

О-о-о! Это собрание! Ужас, ужас... Тихий ужас! Чехов прав: «Так жить нельзя. Надо застрелиться!» Пушкин, «Скупой рыцарь»: «Проклятое житье!» Блок: «Живи еще хоть четверть века,— все будет так. Исхода нет»...

Ужель и вправду исхода нет, и он обречен сгнить духовно и физически в этих буднях?

Петр Филиппович Кутьин, 63-летний писатель, пришел в крайне растрепанных чувствах с писательского собрания в свою малометражную квартиру на седьмом этаже панельной девятиэтажки в одном из спальных районов областного города и, как был, в куртке и ботинках завалился на диван да и замер, тупо и тоскливо уставившись в потолок, оклеенный пожелтевшими от времени и кое-где уже отвалившимися обоями.

— Сил моих больше нет! — злобно прошептал он, швырнул кожаную кепку в угол и закрыл глаза, словно пытаясь забыться сном. Но какой уж тут сон?! После каждого такого собрания он отходил дня три, не меньше, а нынешнее достало его почему-то больше всех других.

Собрание регионального отделения Союза писателей России, столь расстроившее моего героя, закончилось часа полтора назад. И расстраиваться-то, собственно говоря, было ну совсем не из-за чего. Что там было-то? Да ничего особенного. Все как всегда. Но именно эта обычность, рутинность без всякого просвета и напрягла душу, и стала каплей, переполнившей чашу его терпения.

В выступлении председателя отделения Сергея Ивановича Кукушкина, худощавого, узкоплечего, невысокого человечка с большим острым, напоминающим птичий клюв, носом и бесцветными глубоко посаженными глазками, не было ни одной хорошей новости. Сплошь негатив. Финансы поют романсы. Нынешнее помещение, красивый старинный особняк в центре города придется освобождать и переезжать невесть куда, чуть ли не на окраину. Единственный журнал писательской организации влачит жалкое существование и вот-вот закроется. Об издании книг не может быть и речи опять-таки по недостатку финансирования. Деньги, деньги, деньги! Всюду деньги, черт бы их побрал! Вот он и побрал. А кто же? Без него не обошлось, уж это точно!

В перерыве много говорили о последовавшей недавно смерти писателя Игоря Арясьева. Его нашли мертвым в небольшом деревянном старом доме на одной из окраинных улиц областного центра. Игорь Васильевич лежал на кровати, грязной и растерзанной, сбитой. На его теле уже ясно показались следы тления. Видимо, смерть произошла несколько дней назад. В крови было обнаружено большое количество алкоголя. В медицинском заключении написали: «Внезапная остановка сердца. Алкоголизм».

Говорили о тяжелом психическом заболевании писателя, когда-то очень известного не только в области, но и на всю страну — СССР. Страна исчезла, и он исчез. В старой, порванной картонной коробке были обнаружены его рукописи и заметки, сделанные таким неряшливым, неразборчивым почерком и находившиеся в таком беспорядке, что никто не стал разбирать их, а передали коробку Кутьину, который был наиболее близок к Арясьеву, одно время дружил с ним. Кутьин тоже сразу эти материалы разбирать не стал, а поставил коробку до времени под свой письменный стол.

Много позже, разбирая переданные предсмертные записи Арясьева, Кутьин прочтет это и многое другое и поймет, хотя и не сразу, причину его ухода. Слом, трагический слом наступил в его душе, как и в душах многих творческих людей, после гибели той страны, в которой он жил, сформировался как личность, которую любил и воспевал в своих романах и повестях. Не стало страны, кончилась она, как в свое время Российская империя, за неделю, и жизнь кончилась. Не о чем стало писать, некого славить. Гнать чернуху и порнуху? Писать детективы и эротику? Ну уж нет! Как-то незадолго до смерти Игорь сказал: «Я, конечно, проститутка, но не до такой же степени!»

Писательский труд в одночасье обесценился, слово утратило (так казалось многим писателям) свой смысл и значение. А встроиться в новую реальность многие, в том числе и Игорь, не смогли да и не захотели. По России прокатилась волна самоубийств, и люди творческие сводили счеты с жизнью чаще других, потому что были наименее защищенными и наименее приспособленными к превратностям нового бытия. Чужой, враждебной стала жизнь, и лучше всего состояние писателей, художников, музыкантов выражали слова поэта Батюшкова: «Стихи закончились, и я не знаю, что мне делать далее в этой жизни». Батюшков в итоге сошел с ума.

А в наше время творческие люди сводили счеты с жизнью. Самоубийства Юлии Друниной, Ники Турбиной, духовное самосожжение Высоцкого, Рождественского, великого композитора Георгия Свиридова и многих других... Хотелось бы написать: всколыхнули всю страну. Но нет, не всколыхнули, прошли почти незамеченными. Люди гнались за деньгами, думали о том, как выжить в новой реальности, и им было

не до музыки, полотен и стихов. Это равнодушие, «окамененное нечувствие», как прекрасно определяет такое состояние душ Церковь, убивало сильнее пуль, петли или яда.

Арясьев выбрал самый долгий и мучительный способ самоубийства — алкоголизм. В последнее время пил он не просто много, а очень много, как говорили, ему не хватало на день трех бутылок водки. Но на выпивку нужны деньги. Денег не было. И он распродал все: мебель, столовый сервиз, серебряные ложки, ножи и вилки, продал старое, уникальное пианино, причем за бесценок. Продав почти все, оставив стол, два старых стула, платяной шкаф и продавленный, рваный диван, на котором спал и на котором умер.

Такой же «запойный характер» носила и его творческая работа. Когда на него «находило», он запирался ото всех и писал, писал, писал. До изнеможения, днем и ночью, забывая о еде и сне. Он питался в эти дни только черным хлебом да крепчайшим чаем. А когда муза отпускала его, выходил на свет Божий небритый, похудевший, с блестящими диковатыми глазами. «Кажись, получилось что-то», — говорил он коллегам-писателям. Но получалось не «что-то», а нечто весьма интересное и талантливое. Игорь не был поэтом, он писал прозу, но какую! Лучшие ее образцы не уступали высокой поэзии.

«Вечер умирал... Плавно, отрешенно, как сомнамбула, шла по пустынному полю огромная рыжая луна осени»...

«Ранним утром, выйдя в сад, я услышал шорох тумана»...

«Весь день на стылом ветру звенели, динькали льдинки на ветках»...

Его взлет, пришедшийся на 70-е годы прошлого века, был ярким и стремительным. Тогда еще не закончилось в нашей литературе время чудес, еще можно было уснуть никому не известным, а проснуться знаменитым на весь Союз. Так и случилось с 25-летним журналистом областной газеты Игорем Арясьевым, опубликовавшим в журнале «Юность» свою повесть «Каменотес» — волнующее повествование о том, как сельский кузнец своими силами, без всякой помощи, поставил памятник своим односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это было в духе тогдашнего времени с его патриотическим пафосом, доходившим иногда до высокой патетики, а иногда — до демагогического пустозвонства. Вот такие были две крайности, два полюса. У Игоря получилось первое, то есть патриотизм и патетика, получилось ярко и талантливо. И понравилось, и пошло. О «Каменотесе» хорошо отозвались Солоухин, Астафьев и Полевой. На Арясьева стали все чаще указывать как на одного из талантливейших молодых писателей, рожденных советской эпохой. По его повести был снят фильм, ее инсценировали три московских театра. Словом, это была настоящая слава.

Арясьева наперебой приглашали на разного рода творческие семинары, встречи, коих в ту пору проводилось великое множество. У него часто брали интервью газетчики и тележурналисты, и он, ощущая себя хоть и молодым, но все же уже почти классиком, поучал, изрекал истины, морализировал.

Он быстро ухватил то, что называется духом времени, сразу и хорошо понял, чего от него хотят, и давал именно то самое, в образной огранке. В свое время так же служил власти Алексей Толстой, да и не он один. Арясьев, конечно, был далеко не Толстой, но принцип служения был тот же: ухватить, уяснить, что нужно, и это самое, как на блюдечке с голубой каемочкой выложить в своих «алмазных строках». Нужны производственные романы? Пожалуйста! И он писал о металлургах, оружейниках, химиках. Село? С нашим удовольствием! Вот роман о председателе — новаторе, борющемся за новые севообороты и современную технику. БАМ? Натев вам! Он едет на БАМ и пишет повесть «Зеленое море тайги» о строителях магистра-

ли. Там есть все, что положено: конфликты, стройка, любовь. И все в том духе и в той идеологической направленности, как положено: и руководящая роль партии, и комсомольский задор и почин. Патриотика, преемственность поколений? А вот вам роман «Сыновья» о трех поколениях рабочей семьи. И так далее, и тому подобное. Уже утратил он то, что было у него в «Каменотесе», повести действительно талантливой и яркой, живое, образное, за душу берущее начало, а стал ловким, умелым конъюнктурщиком, который может написать что угодно и о чем угодно, лишь бы это издавалось и продавалось! Он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, ему в высоких литературных кругах уже прозрачно намекали на Государственную. Нужен был роман о целинниках. Он оформил командировку на целину, в Казахстан, поехал, собрал большой материал. Но что-то у него с этим романом пошло не так. Ну не получался он и все! Не складывался. А потом умер Брежнев, и тема целины стала как бы уже и не такой нужной, не такой актуальной. А там и вовсе развалился Союз, настала другая жизнь, в которой в гробу все видали и целину, и космос, и Малую Землю, и все, чем гордились в советское время.

Этого он уже не выдержал. Тело, и мозг и душа, стали давать все более явственные сбои. Накопилась усталость, то болезненное напряжение, которое приводит к быстрой растрате физических и творческих сил. Навалилась глубокая депрессия. Раньше (уж Кутьин-то это хорошо знал!) Арясьев почти не пил, а так, пригубливал и ставил. А теперь он стал все чаще и все в больших дозах употреблять крепкий алкоголь: сначала коньяк и виски, а потом, когда денег на дорогие напитки не стало, — водку и дешевый портвейн. В последнее время Петр иногда встречал его на улицах, на остановках. От прежнего элегантного, уверенного в себе, вальяжного Игоря Арясьева ничего не осталось. То была бледная тень его. Когда-то полноватый, он теперь иссох и превратился едва ли не в мумию. Карие глаза, еще не так давно глубокие и выразительные, ввалились и потухли. Света не стало в них. Вместо элегантности в одежде появилась неряшливость. Он зимой и летом ходил в старой, затертой куртке, стоптанных ботинках и какой-то неопределенного цвета и фасона шапчонке. Ни с кем не общался, жил один, шатался по закусочным и пивнушкам, приставал к компаниям выпивох, выпрашивая пива и немного водки. Его не гнали, угощали, его уже знали в этих заведениях и даже называли «писателем». Он был вроде дурачка, блаженного. «А писатель не заходил?» — «Не-а». — «Ну зайдет! Вот клоун-то!» — А он и действительно превратился в своего рода клоуна, потешал публику разными рассказами, анекдотами, а то и стихами. Хохотали над ним до упаду. И просили-приказывали: «А ну, писатель, сказани еще чего-нибудь!» — «Горло бы промочить надо!» — прозрачно намекал Игорь. «Да нет проблем! Налейте ему. Пей, писатель! Уж больно потешно ты врешь!»

Писал ли он что-нибудь? В последнее время точно — нет. Где ж писать в постоянном алкогольном угаре? Говорят, талант, мол, не пропьешь. Вранье! Именно талант и пропивается в первую очередь. Мозг атрофируется, душа скукоживается и становится почти бесчувственной ко всему, кроме алкоголя, а потом и его уже не чувствует, и требуются все возрастающие дозы, чтобы хоть как-то расшевелить ее. Но и они вскоре перестают работать, и тогда наступает смерть, сперва духовная, затем и физическая. Тот, кого в последнее время в редких встречах видел Кутьин, уже не был его другом, писателем Игорем Арясьевым, еще недавно известным на всю страну, лауреатом премии Ленинского комсомола и одним из наиболее вероятных кандидатов на Государственную премию. Это был ходячий мертвец с потухшими глазами, иссохшим и увядшим телом и тяжелым шумным дыханием. Во время одной из встреч он уговорил-таки Петра зайти с ним в закусочную. «Угости друга-то на-

последок»,— горько улыбнувшись, попросил он. И это «напоследок», упоминание о дружбе, когда-то действительно бывшей между ними, и весь его жалкий, опущенный вид горько и щемяще отозвались в душе Кутына, и ему стало до слез жалко Игоря. Захотелось обнять его, сказать ему какие-то теплые, хорошие слова.

— Игорь, Игорь,— произнес Кутын тихо,— что с тобой случилось? Как это все могло произойти?

— А! — махнул рукой Арясьев.— Что теперь говорить? Конечно, брат! Помнишь, как у Пушкина-то? «Пришла худая чередка. Зашибло!»... Ах, как точно! Ну, пойдем, что ли?

— Ладно. Пойдем.

— Вот и хорошо! Вот славно! — оживился и повеселел вдруг Арясьев.— Ты, Петь, ты всегда мне был настоящим другом. Потому что... Потому что ты можешь понять... Понять потребность творческого человека!

Он умолк, видимо, поняв, что зарапортовался и потерял нить своей путаной мысли. Зашли в закусочную, довольно чистую, приличную. Петр заказал графин водки и закуску: два мясных салата, два бокала томатного соку. Он видел, как у Арясьева, от многодневного запоя, дрожали руки и нижняя челюсть.

— Ну, давай,— сказал Игорь,— за упокой души русского писателя Игоря Арясьева.— И криво ухмыльнулся.

— Прекрати! — прервал его Кутын, которому от этих слов стало не по себе.— Прекрати! Ну и юмор у тебя! Раньше ты шутил гораздо тоньше и остроумней.

— Так то раньше,— вздохнул Арясьев.— То раньше. Раньше все было. А теперь. Та жизнь рухнула, и во мне что-то сломалось. Сломалось. И не склеишь. Помнишь, что Батюшков сказал в минуту просветления? Он уже сумасшедший был... «Я,— говорит,— похож на человека, который нес на голове сосуд, чем-то наполненный. Сосуд упал и разбился. Поди теперь узнай, что в нем было: драгоценное вино или простая вода?» — Вот так и я.

Это была последняя разумная мысль, которую услышал на этой земле Кутын из уст своего друга, теперь уже бывшего. Далее Арясьев быстро захмелел, как и все алкоголики, стал хвастать, размахивать руками, говорить громко, даже неприлично громко, требовать еще водки. Кутын сказал, что пить с ним больше не будет.

— Брезгуешь,— скривился Игорь.— Правильно делаешь. Я кто теперь? Бомж! Клоун! Ладно, черт с тобой. По былой дружбе прошу: дай тысячу!

Кутын понимал, что если он даст, то Арясьев тут же эти и пропьет, но отказать почему-то не смог и дал. Дал и стал прощаться.

— Ну, пока, Игорек, до свиданья. Мне еще по делам...

— Прощай,— слабо махнул Арясьев.

Кутын отошел и оглянулся. Одинокая, жалкая, склоненная над стаканом с водкой фигура Арясьева навсегда врезалась в его память и поранила душу до крови, до слез.

Он шел по улице. Был ненастный, ветреный день. И слезы, самопроизвольно, помимо его воли текущие по лицу, мешались с каплями дождя. «Господи, Господи! — думал Кутын.— И с таким умом и талантом, с таким тонким чувством слова и природы так упасть, разбиться и смешаться с грязью! Превратиться в совершенное ничтожество. Почему? Как? Видимо, потому, что Бог не сковывает человека, оставляя ему свободу воли, свободу выбора: жить или умереть, взлететь или пасть. А если человек, как вот тот же Арясьев, не знает Бога и никогда не знал? («Какой там Бог? — как-то сказал Игорь еще в расцвете своей славы и творческих сил.— Какой Бог? Наши космонавты его не видели!») Он ошибался. Все видели наши космонавты: и Бога, и Ангелов, и демонов. Только предпочитали в силу известных причин помалкивать об этом, кое-что (далеко не все) стало известно лишь совсем недавно.

Так вот: если человек не знает Бога, он становится слугой сатаны, попадает под власть бесов. Многие, даже великие, погибли так, начиная с Гоголя и Льва Толстого до Есенина, Маяковского, Рубцова и Высоцкого. Иным удалось выбраться уже у смертной черты, а другие так и ушли в область ада.

Больше они с Арясьевым не увиделись. И вот теперь — известие о его смерти. Оно не слишком поразило ни Кутьина, ни кого-либо из писателей. Смерть была ожидаемой. И на миг все словно заглянуло в черную бездну. И в ужасе отпрянули. И еще сильнее и глубже занялись текущими, обыденными делами, чтобы заглушить это тяжелое воспоминание.

Арясьева почтили вставанием и минутой молчания, как это водится, а дальше все пошло по наезженной колее, словно ничего и не произошло особенного. Кутьин хотел выступить, сказать живое, пронизанное болью слово, но, поглядев в эти холодные, усталые глаза своих коллег-писателей, понял: некому тут говорить, не к кому обращаться. Сиди и молчи.

Потом как всегда скандально выступил извечный возмутитель спокойствия высокий, худой, остроглазый и остроносый поэт Семен Камышин, уличавший руководство отделения в присвоении бюджетных денег и отсутствии конкретной заботы о членах Союза. С ним схлестнулся лысый и низенький прозаик Владимир Николаевич Сметанин, назвавший Камышина «ядовитым пустозвоном», на что Семен крикнул: «А ты, Володь, бездарность!» Сметанин кинулся было драться. Их едва растащили. Потом уже один из писателей не без остроумия сострил: «Шумел Камышин, мы все гнулись, а ночка темная была!»

Затем возник очень интересный, волнующий многих вопрос: а куда это деваются бюджетные деньги, выделяемые региональному писательскому отделению на издательскую деятельность? 600 тысяч в год хоть и невеликая сумма, но все же, все же... Выяснилась, что тайна сия велика есть и едва ли не подобна загадке НЛО или египетских пирамид. Однако ж эту тайну поручено было разгадать ревизионной комиссии и доложить о результатах на следующем собрании.

Потом приняли в члены Союза некоего Мансура Ибрагимбекова, предпринимателя. Литературного таланта у него не было, зато было много амбиций и много денег, а деньги по нынешнему времени решающий аргумент, они все двери открывают. Недаром и на областном собрании Мансура приняли, и Москва его утвердила. Он издал за своей подписью три книги в твердых глянцевого обложках и на прекрасной бумаге, которые за него написал талантливый журналист и горький пьяница Сергей Беловзоров. Многие читали и дивились: какой у этого Мансура стиль, какая образность! Вот, оказывается, и среди предпринимателей одаренные люди есть! И все знали подоплеку «таланта», но закрывали на это глаза. Раз уж Дюма пользовался услугами «литературных рабов», так нашему-то Мансуру и сам Бог велел!

